

СОВЕТСКИЕ СОВЕТНИКИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1949–1956 гг.

Часть I

Вторжение советских советников в страны советского блока в 1948–1956 гг. было неотъемлемой частью великодержавных планов Москвы. Эти советники способствовали созданию советского блока не просто подчиненного московскому центру, а руководимого оттуда. Основной задачей советских советников было введение советских методов управления обществом и руководства экономикой. Эти советники занимали ключевые позиции в армии, в органах государственной безопасности и в экономических органах, т. е. на участках, самых важных для реализации советской цели — подготовки советского блока к военному столкновению с Западом. В аппаратах власти стран советского блока советские советники представляли собой самостоятельное звено. Они обладали огромными полномочиями и подчинялись только Москве. Государственным органам в восточноевропейских странах советские советники были совершенно неподотчетны.

В Чехословакии численность советских советников в армии, органах государственной безопасности и экономике не была постоянной. Больше всего их было в 1952–53 гг. — более 500 (не считая экспертов в урановой промышленности).

Органы государственной безопасности

Первые советские советники были командированы в чехословацкие органы госбезопасности. Они прибыли в страну в октябре 1949 г.¹ Однако советское влияние в органах чехословацкой госбезопасности было значительным уже с 1945 года. Это влияние осуществлялось через зависивших от них сотрудни-

ков в органах госбезопасности и разведки (главным образом военной) и непосредственно через советскую агентурную сеть, которой руководили офицеры советской разведки, состоявшие в штате посольства СССР в Праге, — Тихонов и Хозянов (во всяком случае, в Праге они действовали под этими фамилиями).² После прибытия первых советских советников Тихонов и Хозянов покинули Чехословакию. Их отзыв официально объяснили тем, что они не разоблачили заговор в руководстве чехословацкой компартии тогда, когда подобный заговор был раскрыт в Венгрии.³ С лета 1948 г. Тихонов и Хозянов настойчиво добивались от ведущих чехословацких политиков приглашения советских советников. Они склоняли своих сотрудников в руководстве органов государственной безопасности Чехословакии (например, Штефана Плачека — начальника внутриполитической разведки) убеждать генерального секретаря КПЧ Рудольфа Сланского, что советские советники насущно необходимы. Сланский эти рекомендации отверг, чем Тихонов и Хозянов были весьма раздражены и оскорблены.⁴

Возможно, это проясняет и некоторые последующие события. В 1952 г. во время следствия по делу Сланского, обвиненного в руководстве антигосударственным заговором, советские советники, которые вели следствие, включили в план его допроса и „отрицательное отношение” Сланского к идее приглашения в Чехословакию советских советников. Это было квалифицировано как враждебный акт по отношению к партии и СССР. Сланского принудили дать следующее показание (12 января 1952 г.):

„Я хочу сообщить, что моя антипартийная деятельность привела к тому, что в Чехословакии не был использован опыт строительства социализма в Советском Союзе. Не были приглашены советские советники и специалисты из различных отраслей социалистического строительства. Особо серьезный урон нанесло то, что советские специалисты по организации народного хозяйства были приглашены лишь в 1951 г. Их следовало пригласить намного раньше, что значительно ускорило бы развитие нашей экономики. То же самое можно сказать о советниках для органов государственной безопасности, которых также следовало пригласить раньше. Когда их пригласили, хоть и с опозда-

нием, я исключил из списка советских советников четырех наиболее важных”.⁵

Рекомендации относительно приглашения советских советников возобновились в сентябре 1949 г. и давление было чрезвычайно сильным в связи с фабрикацией обвинений против Райка в Будапеште. Недовольство отсутствием успехов в „разоблачении чехословацкого крыла международного заговора” высказывали как руководители Венгрии и Польши, так и генерал Белкин, начальник отдела НКВД по Центральной Европе, руководивший подготовкой процесса Райка. Критикуя Прагу за недооценку опасности „международного заговора”, они высказывали подозрения, что там на руководящих постах находятся люди, незаинтересованные в разоблачении „врагов”. Клемент Готвальд, тогдашний президент Чехословакии и председатель КПЧ, воспринял эти высказывания как строгое предупреждение Москвы и решил командировать в Будапешт и в Варшаву своих посланников за данными, которые помогли бы ускорить „выявление врагов”. 7 сентября 1949 г. в Будапешт был направлен Карел Шваб, который сразу же был принят Матиашем Ракоши, рядом венгерских партийных руководителей и генералом Белкиным. На следующий день Шваб вернулся в Прагу. Он устно информировал о результатах поездки Сланского и составил письменный отчет для Готвальда. Шваб указал, что Ракоши настоятельно рекомендует Праге пригласить советских советников, накопивших большой опыт в разоблачении врагов, который с большой пользой был использован в Будапеште. Генерал Белкин тоже говорил, что венгерские товарищи попросили помощи у советского Министерства внутренних дел, командировавшего в Венгрию 15 сотрудников советских органов госбезопасности. Белкин рекомендовал, чтобы так же поступила и Прага, поскольку „в Чехословакии действуют люди с двадцатилетним—тридцатилетним опытом шпионажа, в то время как у чехословацких сотрудников органов госбезопасности всего лишь четырехлетний опыт. У советских же работников опыт в тридцать лет, и подобные проблемы мы решаем совершенно иначе”.⁶

16 сентября Готвальд послал телеграмму Маленкову. Текст этой телеграммы был представлен Сланским:

„При разоблачении предательской клики Райка в Венгрии

были выявлены контакты этой клики в Чехословакии. Мы обращаемся к ЦК ВКП(б) с просьбой командировать в Чехословакию нескольких специалистов, знакомых с материалами следствия в Венгрии, которые могли бы помочь нам в расследовании этих контактов в Чехословакии”.

Неделю спустя, 23 сентября, из Москвы пришел следующий ответ:

„В соответствии с вашей просьбой Министерству государственной безопасности поручено выбрать и командировать в Прагу соответствующих сотрудников”.⁷ (Обратный перевод с чешского — Ред.)

Таким образом, Готвальд просил единовременной помощи — только для выявления чехословацкого Райка. В октябре 1949 г. в Прагу прибыли два советника — Макаров и Лихачев. В результате в чехословацких органах государственной безопасности произошли огромные перемены, главным образом в тех отделах, которые занимались организацией политических процессов и обнаружением врагов в компартии. Сразу после приезда Макаров и Лихачев выступили с критикой чехословацких органов госбезопасности. По свидетельствам бывших чехословацких сотрудников этих органов, Макаров и Лихачев утверждали, что „наши органы действуют чересчур мягко, нерешительно, что они позволяют оттеснить себя на задний план, недостаточно энергично отстаивают свои позиции и не умеют добиваться своих требований, а по отношению к классовым врагам действуют в шелковых перчатках”.⁸

Советские советники не скрывали, что московский центр поручил им организовать большой процесс с чехословацким Райком. Лихачева раздражало нежелание Теодора Балажа, начальника отдела по выявлению врагов в партии в Словакии давать ему неподтвержденную информацию о руководящих партийных работниках. Он говорил: „Сталин послал меня организовать процессы, я не могу терять времени. Я приехал в Чехословакию не дискутировать, а „снимать головы”. Я сверну сотни шей, иначе мне снимут голову”.⁹

Советские советники не брезговали ничем для выполнения своего задания. Они сосредоточили внимание на ведущих партийных работниках и собирали компрометирующие их материалы

любимыми средствами. Сотрудники чехословацких органов госбезопасности, сами не особенно разборчивые в средствах и применявшие подобные методы, хоть и не против самых высоких партийных руководителей, были поражены бесцеремонностью одной из его встреч с Лихачевым. Лихачев потребовал данные одной из его встреч с Хихачевым. Лихачев потребовал данные о „враждебной деятельности” секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Словакии Коломана Мошковича. Балаж отказался, ссылаясь на их отсутствие. Кроме того, Балаж считал, что, получив такие данные, необходимо проверить, соответствуют ли они действительности. Но Лихачев заявил: „Меня совершенно не интересует, где вы получите эти данные и насколько они достоверны. Я им поверю, а все остальное предоставьте мне. Почему вы так печетесь о каком-то жидовском дерьме?” Перепуганный Балаж возразил, что он должен обсудить этот вопрос с председателем компартии Словакии и заместителем председателя правительства Вилиамом Широкиком. „В этом нет никакой необходимости”, — ответил Лихачев. „Но что скажет Широкий?” — спросил Балаж и получил ответ: „А мы и его пинком в задницу”.¹⁰

Действия советских советников обострили и без того весьма сложные отношения в чехословацких органах госбезопасности и усугубили противоречия между различными группами сотрудников. Советские советники были тесно связаны по работе с начальником отдела по выявлению врагов в партии Карлом Швабом. Шваб встречался с ними ежедневно и фактически монополизировал все контакты.¹¹ Их сблизило также недоверие к руководящим партийным работникам, к руководству органов государственной госбезопасности и к министру внутренних дел Вацлаву Носеку. Во время фабрикования процесса Райка в Будапеште, в Москве поговаривали о враждебной деятельности Носека, поскольку во время войны он стоял во главе коммунистической чехословацкой эмиграции в Лондоне. Лихачев и Макаров прибыли в Прагу уже с готовой позицией относительно Носека и даже рассматривали его как одного из возможных кандидатов на роль чехословацкого Райка. Вскоре после прибытия в Прагу Макаров и Лихачев вообще перестали что-либо обсуждать с министром внутренних дел и Носек перестал быть

в курсе дел в отделе Шваба, а затем и в органах государственной безопасности вообще. В конце 1949 г. Носек жаловался своему заместителю Йозефу Павелу, что он „ничего не знает о происходящем в органах государственной безопасности. Носек спрашивал меня, почему от него скрывают некоторые аресты”.¹²

Стремление советских советников сделать из Носека чехословацкого Райка было чревато серьезными последствиями. Это было одной из главных причин попытки самоубийства начальника органов государственной безопасности Йиндржиха Веселого (5 марта 1950 года). Позже Веселый ушел с занимаемой им должности. 14 лет спустя Веселый, все-таки покончивший с собой, перед этим написал: „У меня была тяжелейшая нервная депрессия. В январе и феврале 1950 г. меня лечили в правительственном санатории, но безуспешно. На душе было страшно тяжело из-за обвинений, которые советские советники — Лихачев и Макаров — выдвинули (пусть и косвенно) против Носека. Тогда они рассматривали его ... как возможного чехословацкого Райка или Костова... Я заступился за Носека, но безуспешно... скорее всего именно за это меня стали обвинять в недостаточной бдительности и осторожности... Я отчетливо представлял себе, несмотря на нервное расстройство, какую роль в разоблачении Носека придется сыграть мне, его близкому другу...”¹³

Свою задачу Макаров и Лихачев не выполнили. Политический процесс чехословацкого Райка сфабрикован не был. Но все же им удалось организовать несколько других процессов, среди них самым крупным был процесс бывших деятелей некоммунистических партий Чехословакии — Милады Гораковой и ее поделщиков.¹⁴ Технологию производства процессов, которой пользовались чехословацкие органы госбезопасности, советские советники „обогатили” двумя новшествами: во-первых, ничем не ограниченной фантазией при фабрикации обвинений и конструировании различных антигосударственных групп и заговоров и, во-вторых, — введением планов допросов, т. е. заготовок протоколов с вопросами и ответами. Наряду с этим советские советники разработали систему составления сценариев процессов.¹⁵

В мае 1950 г. было создано Министерство национальной безопасности. Министром стал Ладислав Копршива. До назна-

чения на этот пост он был секретарем ЦК КПЧ по кадрам. В министерстве уже работала группа советских советников. Вначале их было 27, а после ареста Сланского приехали еще трое, которые занимались только его делом. Советники были прикреплены к министру и к начальникам первого и второго отделов. Они составляли особое организационное звено. Главным — или старшим — советником был прикрепленный к министру, у него были заместители, которых он часто менял. Старшему советскому советнику подчинялись все остальные, действовавшие в министерстве и в областных управлениях государственной безопасности. Всего в госбезопасности и разведке было около пятидесяти советских советников. В 1950–1951 гг. старшим советником был Боярский, которого сменил Алексей Бесчаснов. Заместителями были поочередно Смирнов, Галкин, Есиков. Для расследования дела Сланского были присланы Громов, Морозов и Чернов. К ним была приставлена группа переводчиков — у каждого советника был свой переводчик. Кроме того, несколько человек переводили с чешского на русский и наоборот письменные материалы. Советские советники совершенно изменили стиль работы министерства, внесли в него „советский ритм”. На работу они приходили в полдень и оставались там до ночи. К этому расписанию вынуждены были приспособиться почти все руководящие работники и многие рядовые сотрудники министерства.¹⁶

Министр обсуждал повседневные вопросы главным образом со старшим советником, а заместители министра — с заместителем старшего советника. Остальные советники были связаны с начальниками отделов и их сотрудниками. Министр мог встречаться и с другими советниками, но при этом всегда присутствовал старший. Через старшего советника эксперты сообщали министру и его заместителю свои предложения и рекомендации. В дальнейшем обсуждении этих предложений и рекомендаций их авторы обычно принимали непосредственное участие. Часто советники использовали иной путь: они сообщали о своих предложениях и рекомендациях через „своего начальника отдела”, т. е. начальника того отдела, к которому они были прикреплены. Старший советник и его заместитель могли — и они широко использовали эту возможность — обращаться к

любому сотруднику министерства без ведома его начальника. Советские советники запрашивали у них любые материалы, и давали им указания. Полученные материалы советские советники использовали без каких-либо ограничений, так как никто не имел ни права, ни достаточного мужества проследить, что с этими материалами стало. Такими же правами советники обладали и в „своих” делах. „Численность советских советников и их присутствие во всех отделах, — писал Копршива, — позволяли им быть в курсе всех дел Министерства. Советские советники были связаны со всеми секторами и отделами”.¹⁷

Положение советников как группы, как и положение каждого из них в отдельности, фактически обеспечивало им руководство важнейшими отделами и даже Министерством в целом. „Партийное руководство и руководящий состав Министерства рассматривали советских советников как гарантию качества работы. Самые важные решения принимались по инициативе советских советников. Их влияние ощущалось на всех ступенях — и в действиях, и в теоретическом и в политическом мышлении сотрудников министерства. Я не принимал никаких серьезных решений без консультации с ним (старшим советником)”, — писал Копршива.¹⁸ В глазах партийного руководства старший советник обладал большим весом, чем министр.¹⁹ Его рассматривали, да и он сам себя рассматривал не как советника министра, а как советника всего партийного руководства. По свидетельству ведущей партийной деятельницы Яримы Тауссиговой, Боярский говорил ей, что в ЧСР его послали как партийного работника и что он непосредственно связан с Политбюро КПЧ. В качестве доказательства он показал ей список прямых телефонов Готвальда, Сланского и других членов Политбюро ЦК КПЧ.²⁰ Такую позицию старшего советского советника подкреплял своим авторитетом Готвальд, который сам относился к нему соответственно и требовал такого же отношения со стороны министров государственной безопасности. Оба министра — Копршива и занявший эту должность в январе 1952 г. Карол Бацилек — подтверждали, что перед назначением на этот пост Готвальд указывал, что они обязаны опираться на советских советников и руководствоваться их точкой зрения. Копршива подчеркивал, что „Готвальд, который сам консульти-

ровался с ними при принятии любого важного решения, видел в этом гарантию, что все будет сделано верно”.²¹ Об этом же говорил Бацилек на заседании Политбюро ЦК КПЧ 17 апреля 1956 г.: „С Алексеем (Бесчасновым.— Прим. авт.) меня познакомил товарищ Готвальд, когда я стал министром. Мне было сказано, что он один из самых способных сотрудников советского министерства внутренних дел... и что он был назначен на свой пост Сталиным”.²²

Старший советник не только сопровождал Министра, когда тот встречался с Готвальдом, но и приходил к Готвальду сам либо по его приглашению, либо по собственной инициативе. „Старший советник бывал у Готвальда и без меня, — вспоминает Копршива. — Иногда он без моего ведома просил аудиенцию у Готвальда, и лишь в редких случаях информировал меня о содержании разговора”. Копршива рассказывает, как Боярский добился согласия Готвальда на создание антиссионистского отдела в Министерстве государственной безопасности. Стало повседневной практикой информировать о многих важнейших делах старшего советника раньше, чем министра, и лишь затем — президента. Для Готвальда и других партийных руководителей советский советник стал самым авторитетным лицом, без его согласия решения не принимались.²³ В 1954 г. министр внутренних дел Рудольф Барак, доказывая на заседании Политбюро ЦК КПЧ оправданность политических процессов, ссылаясь на авторитет советских советников. „Не забывайте, — говорил он, — что расследования проводили сотни советских экспертов”.²⁴

Министры, их заместители и ведущие работники органов госбезопасности выполняли указания советников или будучи уверенными в их правильности, или из страха. В большинстве случаев решающим был первый мотив — они видели в советниках опытных, лучших сотрудников советских органов государственной безопасности, великолепно информированных о международном положении и о внешнеполитических намерениях Советского Союза. Именно это вызывало доверие к ним и готовность принимать их советы и указания. „После прибытия советских советников министерство полностью положило на них. Им безоговорочно верили, их обо всем информировали, с ними

обо всем советовались... К советским советникам все, в том числе и руководящие партийные работники, в особенности товарищ Готвальд, относились как к весьма компетентным специалистам, опыт которых является огромным вкладом в нашу работу”.²⁵

Немало, однако, было и таких работников, которые в безоговорочном послушании советским советникам видели возможность сделать хорошую карьеру. Начальник главного управления по расследованию дел высших партийных руководителей и один из ближайших сотрудников советских советников Богумил Доубек писал в своих показаниях (1955 г.) о мотивах своей преданности им: „Я столкнулся с советскими советниками как только стал заниматься следствием. Я очень уважал их и поступал так, как они считали нужным. Я полагаю, что если бы подобные указания исходили от наших ответственных лиц, я в некоторых случаях, возможно, возражал бы. Но рекомендации советских советников я выполнял немедленно. Я говорил это Коштялу, Бруге, Мусилу — они могут подтвердить мои слова. Я исходил при этом из того, что товарищи советники знают, чего хотят, что им известен советский план, основанный на сведениях о международном положении, которые нам не известны, они сами намекали на это. Они были связаны с самыми высокими нашими руководителями и с товарищем Готвальдом, и он, как я знал, всегда без каких-либо возражений соглашался с предложенными советниками мерами. Иногда я сомневался, что подследственный виноват в том, в чем его обвиняют, или даже был убежден в его невиновности, но я считал, что в этих делах есть некая высшая цель и повторял себе слова Владимира (Боярского. — Прим. авт.): „лес рубят, — щепки летят”. Главный же аргумент советских советников был в том, что этими делами мы наносим сильный удар империалистам. Я был польщен тем, что товарищи советники сообщают мне кое-какие сведения, не известные даже министру. И я относился к ним также.

Я все время верил, что все, что делается, делается в интересах партии и международного рабочего движения — ради сохранения мира, как говорили советники, когда я колебался. Я слепо доверял им, и они это знали. Это были, собственно говоря, первые советские люди (не считая солдат 1945 г.), с которыми я встретился и с которыми на протяжении нескольких лет пос-

тоянно работал.

Товарищ Готвальд, когда я был у него на приеме вместе с советниками, сказал мне, чтобы я по всем вопросам обращался к ним и руководствовался их указаниями".²⁶

Такой позиции придерживались многие сотрудники органов госбезопасности.

Несмотря на особое положение советских советников, между ними, с одной стороны, и министром и руководящими сотрудниками органов госбезопасности — с другой, все-таки возникали разногласия. Они касались, в основном, мер общего характера и персональных дел — либо по поводу предложений советников об арестах, либо по поводу назначения на руководящие посты. В большинстве случаев советники добивались своего, используя доверие к ним чехословацких сотрудников и ссылаясь на свой опыт, накопленный в СССР. Тауссигова, которая по работе часто встречалась и беседовала с Боярским, позже писала: „Только после ареста, а затем на суде... я поняла, что если Боярский играл со мной как кошка с мышью, то многие другие стали послушными орудиями Боярского в осуществлении его политической цели, а именно: раскрытия в Чехословакии заговорщического шпионского центра, который превосходил бы по своим масштабам центры в других странах народной демократии".²⁷

Тауссигова так характеризует ближайших помощников Боярского: „Копршива, был скорее чиновником и солдатом, чем политиком; Чепичка — умно, смело и настойчиво отстаивал свою позицию, но был амбициозен и ничем не брезговал в достижении своих целей; Келлер — сектант и догматик. С 1945 г. он отстранился от происходящего, полагая, что его несправедливо недооценивают (что в определенном смысле было верно) и понимая, что ему придется работать под руководством людей, которых он далеко превосходил — он сам говорил мне об этом".

Копршива рассказывал: „... Иногда я испытывал огромный нажим, например, в связи с делом экономистов — Фрейки, Оутраты и др. Я возражал против их ареста, но Владимир (Боярский. — Прим. авт.) настойчиво этого требовал. Он говорил, что процессы в Венгрии и Болгарии полностью обоснованы и преудпреждал товарищей, что империализм их (Чехословакию. — Прим. авт.) не обойдет". Копршива часто обращал внимание советни-

ков, что „не все данные, представленные сотрудниками госбезопасности и полученные извне, верны. У меня иногда было иное мнение о некоторых сотрудниках министерства, которым полностью доверяли и которых поддерживали советские советники... Они часто создавали вокруг отдельных дел атмосферу угрозы стране и партии... и использовали эту атмосферу для проведения мер, прежде недопустимых в Чехословакии".²⁸

Привилегированное положение советников оказывало, как мы уже говорили, влияние на Министерство, особенно на ведомство госбезопасности. Советники стремились организовать работу Министерства и его отделов в соответствии с указаниями руководства советских органов госбезопасности и своими собственными представлениями. В результате обычные противоречия между отдельными группами сотрудников перерастали в открытые и очень серьезные конфликты. В Министерстве установились законы джунглей, что привело к частым кадровым переменам и даже трагическим происшествиям. Стало почти нормой, что многие сотрудники Министерства обращаются со своими предложениями к советникам прежде, чем к своим непосредственным начальникам. Копршива писал об этом: „Многие сотрудники министерства обращались к советникам прямо, минуя меня, особенно после того как меня стали подозревать в поддержке заговорщиков... Теснее остальных с советниками были связаны работники следствия. Все сообщения стекались к старшему советнику. К нему обращались и партийные работники, не работавшие в органах государственной безопасности".²⁹

Из их-то среды советские советники и выбирали своих приближенных. Они получали от них сведения о других сотрудниках и, со своей стороны, сообщали им информацию, которая держалась втайне от руководящих работников министерства и от самого министра. Но что самое главное, им поручали задания, которые выполнялись за спиной их начальников и министра. Так, с ноября 1950 до января 1951 г. доверенные лица советских советников собирали компрометирующие материалы на командиров воинских частей органов государственной безопасности.³⁰ С весны 1951 г. советники поручали пользующимся их доверием сотрудникам проведение секретных допросов без ведома начальника следственного управления и вышестоящих лиц.

На этих допросах была получена информация, дискриминирующая Сланского. Протоколы этих допросов получали только советские советники.³¹ Группа особо активно сотрудничавших с советниками чехословацких работников собирала материалы для компрометации самого министра Копршивы. Ему, однако, удалось об этом узнать, хоть и совершенно случайно.³²

Советники не только окружили себя преданными им сотрудниками органов государственной безопасности Чехословакии, но и продвигали их на руководящие должности, чтобы через них полностью подчинить себе министерство. Самый тесный круг приближенных, из которых рекрутировались кандидаты на высокие посты в чехословацких органах государственной безопасности, состоял из лиц, общественное положение и карьера которых особенно зависели от советских советников. Среди них были люди с репутацией, запятнанной во времена немецкой оккупации (В. Когоутек – бывший жандарм); многолетние сотрудники советских органов госбезопасности (П. Яноушек, который за допросы с применением насилия был позже уволен из органов); ярые антисемиты (А. Кешперт, Др. Мудра, который за применение пыток был переведен из органов государственной безопасности в администрацию концентрационного лагеря, но затем возвращен в органы как следователь); бесхарактерные карьеристы (А. Прхал, М. Моучка); фанатичные коммунисты (Доубек, К. Коштял); специалисты по фабрикациям обвинений в шпионаже против высших партийных руководителей, конструировавшие по показаниям арестованных вымышленные шпионские сети, а также агенты нацистских органов безопасности и разведки (Б. Смола, К. Аразин, Голбек). Таков был весьма пестрый состав круга фаворитов советских советников. Между фаворитами, однако, тоже возникали споры и конфликты,³³ но объединяло их послушание советским советникам и готовность принять советские методы подготовки политических процессов, а более всего – недоверие к руководящим партийным и государственным деятелям Чехословакии.³⁴

Намерение советников продвинуть на руководящие должности в органах государственной безопасности своих ставленников могло осуществиться лишь при устранении прежнего командного состава. Советские советники приехали в Чехослова-

кию, заранее не доверяя тем, кто во время гражданской войны в Испании сражался там в составе интербригад, бойцам отрядов сопротивления против нацистов на Западе и чехословацкого подполья. Их изгнание из органов государственной безопасности советские советники готовили уже с осени 1950 года. Боярский стал собирать жалобы на работников с таким прошлым, а затем всячески стимулировал Комиссию партийного контроля ЦК КПЧ провести проверку органов государственной безопасности. Инициатива такой проверки исходила от Тауссиговой. В конце 1950 г. партийное руководство приняло решение о секретной проверке руководящего состава органов государственной безопасности и поручило провести ее Боярскому, Копршиве и Тауссиговой. Боярский воспользовался этой возможностью и развил чрезвычайную активность. По его инициативе была создана комиссия под руководством Смирнова, подготовившая материалы о руководящих сотрудниках органов государственной безопасности. Существенную часть этих материалов составили документы из архива советских органов госбезопасности; о тех, кто сражался в интербригадах в Испании – из фондов Коммунистического интернационала. К этим материалам были добавлены показания, собранные ставленниками советских советников на тайных допросах. В начале февраля 1951 г. Боярский, Смирнов и Копршива „начали действовать” – около тридцати руководящих сотрудников государственной безопасности были арестованы, среди них начальник отдела государственной безопасности в Министерстве Внутренних дел и его заместитель, начальник разведки и два заместителя министра государственной безопасности.³⁵ На большую часть освободившихся мест были назначены ставленники советских советников. Только пост начальника органов государственной безопасности остался за „человеком Тауссиговой” – И. Горой. Спустя несколько месяцев – по предложению советников и, как обычно, за спиной Горы, – начали собирать материалы против Тауссиговой и против него. Тауссигова была арестована 24 ноября 1951 г. О том, что ее собираются арестовать, Гора ничего не знал. После этого ареста он ушел со своей должности, и на его место был назначен Прхал.

Назревавший на протяжении двух лет кризис в органах

государственной безопасности был „решен” арестом руководящего состава, и в результате Министерством стали единоначально управлять советские советники — не только потому, что на ведущих постах оказались их люди, но и потому, что после ареста прежнего руководства в Министерстве, как писал позже Копршива, создалась такая обстановка, в которой никто никому не доверял и все всех подозревали.³⁶ Подчиненность чехословацких сотрудников госбезопасности советским советникам и их ставленникам все возрастала. Все, даже министр, жили в страхе, что им придется отвечать за сотрудничество или дружбу с арестованными. Авторитет нового руководства быстро укрепился, поскольку новые начальники пользовались доверием советских советников. В этой атмосфере подозрений начался поиск „врагов” среди партийного и государственного руководства Чехословакии.

Вскоре после смены руководства в Министерстве государственной безопасности, весной 1951 г. стали проводить, как уже говорилось выше, допросы для сбора сведений, компрометирующих Сланского. Все материалы о нем стекались к советникам. Они посылали эти материалы в Московский центр госбезопасности, где подготавливался процесс против группы чехословацких партийных и государственных работников во главе с генеральным секретарем ЦК КПЧ. В мае 1951 г. советники, в соответствии с директивами московского центра, прекратили секретные допросы и стали добиваться от Готвальда и Копршивы разрешения на „нормальные допросы”. В конце июня на основании уже собранных советниками материалов и по их инициативе был подготовлен документ об угрозе еврейского буржуазного национализма и о необходимости поставить об этом в известность „соответствующие учреждения”. Этот документ был составлен под руководством советников Доубеком и его заместителем Коштялом и послан в Москву Сталину. В советских органах госбезопасности ожидали, что, ознакомившись с этим документом, Сталин прикажет Сланского арестовать. Результат же оказался совершенно противоположным.³⁷

21 июля 1951 г. Готвальд получил от Сталина письмо, в котором говорилось, что материалы против Сланского, полученные Сталиным, недостаточны и что „нет никаких оснований

для обвинения”. Письмо оканчивалось словами: „из этого вытекает недостаточно серьезное отношение Боярского к работе, и потому мы решили отозвать его в Москву”. Готвальд немедленно ответил Сталину, что он прав, но при этом просил оставить Боярского в Праге, поскольку он „оказывает чрезвычайно ценную помощь работе Министерства национальной безопасности... и его отзыв затруднил бы нашу работу на этом участке”. Сталин пригласил Готвальда в Москву для подробного обсуждения данного вопроса, но тот сослался на болезнь и послал вместо себя своего зятя, члена Политбюро ЦК КПЧ и министра национальной обороны Алексея Челичку.³⁸

Встреча Челички со Сталиным состоялась 23 июля 1951 г. в Кремле. Темой обсуждения была деятельность советских советников в чехословацких органах безопасности. Советскую сторону представляли Сталин и Молотов, Чехословакию — Челичка; кроме них на встрече присутствовал представитель коммунистической партии Болгарии Валко Червенков. Согласно отчету Челички об этой встрече, Кремль был неудовлетворен и деятельностью советника из СССР, прикрепленного к болгарским органам государственной безопасности. Первым выступил Червенков, который сообщил об обстоятельствах ареста министра Цанкова и о подозрениях относительно ряда руководящих деятелей Болгарии. Сталин же более всего интересовался деятельностью старшего советского советника в Болгарии Филатова. Червенков Филатова хвалил, но Сталин с ним не соглашался и упрекал болгарского представителя в недостаточном надзоре за работой Филатова и других советских советников. Сталин критиковал их за применение к министрам и членам Центрального комитета методов, которыми органы государственной безопасности обычно пользуются против врагов социализма.

Потом настал черед Челички. Он информировал собравшихся о позиции Готвальда относительно сведений, ставящих под подозрение Сланского. Последнее слово опять осталось за Сталиным, который еще раз подчеркнул, что необходимо с большой осторожностью подходить к показаниям „свидетелей-преступников”, потому что они могут оказаться вражеской провокацией”. Если мы не хотим, чтобы действия следственных

органов играли на руку врагам, — говорил Сталин, — то деятельность этих органов необходимо постоянно контролировать, чтобы не развилось недоверие общества к высшим органам власти”. Дебаты кончились, и начался монолог Сталина. Он снова критиковал советских советников и политическое руководство в Софии и в Праге, первое — за безответственность, второе — за недостаточность контроля за советниками.³⁹

В письме, которое Чепичка привез Готвальду, излагались результаты московских переговоров, вернее излагалась позиция Сталина. Письмо повторно указывало на несостоятельность обвинений против Сланского и на необходимость контроля за деятельностью советских советников в Чехословакии. Далее было написано: „Что касается высокой оценки работы товарища Боярского и пожелания, чтобы он остался на должности советника Министерства национальной безопасности ЧСР, мы придерживаемся по этому вопросу противоположного мнения. Результаты работы Боярского в ЧСР продемонстрировали, что он недостаточно квалифицирован для выполнения обязанностей советника. В связи с этим мы решили отозвать его из Чехословакии. Если вам действительно необходим советник по вопросам государственной безопасности (а это вы должны решить сами), мы постараемся найти вам более сильного и опытного работника... но мы убеждены, что при любых условиях наш советник должен действовать под руководством и строгим контролем руководства ЦК КПЧ и ни в коем случае не подменять министра национальной безопасности”. В письме от 26 июня Готвальд писал о своем согласии с точкой зрения Сталина и настойчиво просил, чтобы вместо Боярского в Чехословакию немедленно был командирован другой советник.⁴⁰

Таким образом, по оценке Сталина, деятельность московского центра госбезопасности и его советников по подготовке „великого процесса” не была успешной.

Готвальд вызвал Копршиву и сказал ему, „что Сталин прислал письмо с рекомендацией прекратить следствие против Сланского, поскольку материалы против него, возможно, инспирированы классовыми врагами, которые стремятся посеять вражду в наших рядах...”⁴¹ Копршива передал точку зрения Сталина и Готвальда как свой приказ советникам и следовате-

лям. Московский центр органов государственной безопасности не отказался, однако, от плана подготовки „великого процесса”, и советские советники продолжали собирать материалы против Сланского. Их доверенные лица в Чехословакии продолжали секретно, за спиной министра и не обращая внимания на директивы Сталина и Готвальда, проводить допросы. Старший советник вскоре приказал передать ему материалы о Сланском и других руководителях Чехословакии и уехал с этими материалами в Москву. Позже советские советники через послушных им чехословацких сотрудников добились у Готвальда разрешения допрашивать арестованных о Сланском. Одновременно с этим и в Москве и в Праге готовились провокации, которые должны были убедить Сталина в оправданности ареста Сланского. Усилия в этом направлении продолжались и после того как на место Боярского осенью 1951 г. в Прагу прибыл новый старший советник Алексей Бесчаснов и в конце концов завершились успехом.⁴²

С весны 1950 г. советские советники стали работать и в чехословацкой разведке. Вначале их было около десяти. В то время „органы разведки находились в здании Министерства внутренних дел, и имели всего несколько десятков сотрудников — в центре и за границей”.⁴³ С прибытием советских советников перед органами чехословацкой разведки были поставлены новые задачи. Советники утверждали, что „деятельность разведки должна сосредоточиться главным образом на разоблачении закулисной деятельности правительств той или иной страны, и поэтому в чехословацких дипломатических представительствах 70–80% должностей должны занимать работники разведки, и остальные дипломаты тоже должны стать разведчиками”. Кадры разведки стали быстро расти. В ее реорганизации и деятельности все шире применялись методы советской разведывательной службы. Советники в органах разведки были в еще более привилегированном положении, чем в Министерстве национальной безопасности. Они не подчинялись ни министру, ни Боярскому, ни позже Бесчаснову. Старший советник при разведке Филиппов имел прямую связь с московским центром, а в Праге он обсуждал все серьезные проблемы непосредственно с Готвальдом, с которым был в постоянном контакте, тогда как у начальника

чехословацкой разведки в то время вообще не было доступа к Готвальду. Привилегированное положение Филиппова объяснялось в значительной мере тем, что через него шла самая важная и секретная корреспонденция между Готвальдом и Сталиным.⁴⁴

Советские советники как организованная и влиятельная единица контролировали все участки министерства и отдельные отряды органов государственной безопасности. Они реорганизовали это министерство по советскому образцу, создав там климат, в котором стало возможным подчинение советникам его сотрудников как через министра и руководящих работников, так и, в случае надобности, за их спиной и против их воли. Обычно советские советники пользовались такой тактикой: они подрывали авторитет министра и руководящих сотрудников, стимулировали распри и вражду между руководящими работниками министерства. Особенно эффективным было создание группы доверенных лиц, которых советские советники могли использовать против „колеблющихся и непослушных” руководителей министерства и органов безопасности. Эти избранные советских экспертов должны были сыграть роль советских агентов в случае, если бы советникам пришлось оставить Чехословакию.

Советские советники „обогатили” деятельность чехословацких органов безопасности многими новшествами, прежде всего

– созданием атмосферы всеобщего недоверия и, в частности, недоверия к партийным и государственным руководителям. По указанию советников, органы безопасности внедрили в руководство своих агентов, сообщения этих агентов регулярно направлялись Готвальду,⁴⁵ а копии – руководству московских органов госбезопасности. Эту практику в странах советской сферы влияния в 1955 г. резко осудил Хрушев:

„Он (Берия) и его пособники, как обнаруживается сейчас, ослабляли революционные силы, уничтожая кадры нашей партии и других коммунистических партий... натравливали одних партийных руководителей на других, вплоть до уничтожения. Так поступали органы нашей разведки не только в Югославии, но и в других странах народной демократии... Иметь агентуру в братских партиях, проводить разведку против этих партий и особенно разведку против руководителей этих партий, – это

тяжелейшее нарушение норм в отношениях между братскими партиями и государствами. Такое положение может привести и к конфликту”.⁴⁶

Руководству КПЧ было известно, что органы государственной безопасности собирают материалы о руководящих партийных работниках, но только в мае 1953 г. были утверждены правила о порядке обращения с документами, компрометирующими членов правительства, Центрального комитета и руководящих органов Словакии.⁴⁷

– Советские советники совершенно целенаправленно стимулировали антисемитизм. Они не только продвигали на руководящие должности в органах отъявленных антисемитов, но и принимали на веру любые самые фантастические вымыслы о сионистской агентуре в ЧСР. Они стремились также – и не без успеха – убедить партийных и государственных деятелей о реальной угрозе заговора международного еврейского капитала.⁴⁸

– Советские советники внедрили советский производственный метод подготовки „великого политического процесса”. По их указаниям в подготовке этих процессов главную роль стали играть органы государственной безопасности. При подготовке второстепенных, менее громких политических процессов тоже использовались методы, внедренные советскими советниками, но их участие в этих процессах было косвенным – они лишь давали советы. Собственные усилия советские советники сосредоточили на политически важных крупных процессах. В их подготовке они принимали непосредственное участие с самого начала, т. е. с определения круга подозреваемых и составления рекомендаций относительно их ареста, и вплоть до последней фазы – объявления приговора. Они контролировали ход дел на всех этапах подготовки таких процессов, руководили допросами, навязывали политические концепции, принимали участие в составлении обвинения и разработке сценариев судебного разбирательства, инструктировали следователей, прокуратуру и суд.

В 1950–1953 гг. советские советники как единое целое были орудием подчинения чехословацких органов государственной безопасности Москве, вернее центру советской государственной

безопасности. Через советников московский центр укрепил свои позиции в Чехословакии, в частности, путем назначения высшего руководящего состава Министерства национальной безопасности, включая министра.⁴⁹ Все более или менее важные агентурные сообщения, протоколы допросов, информацию об отношениях в органах государственной безопасности ЧСР советники сразу же пересылали в московский центр либо через советского посла в Праге, либо по своим каналам. Таким же путем они получали из Москвы указания, советы и приказы. В уже цитированном выше свидетельском показании Дубека в 1955 г. сообщается, что Бесчаснов диктовал вопросы, которые следовало поставить арестованным, причем читал он их с листа, на котором стояла печать Министерства иностранных дел СССР.⁵⁰ Итогом деятельности советских советников было превращение органов госбезопасности Чехословакии в филиал московского центра госбезопасности. Ведущие партийные деятели смирились с этим, опасаясь, что в противном случае их обвинят в нежелании последовательно бороться с „классовым врагом”. Но и смирившись с такой ролью советских советников, они все равно не избавились от страха, поскольку никто не мог быть уверен, что советники не включат в список подозрительных лиц именно его.

Такое же задание, как в Чехословакии, т. е. подчинение органов госбезопасности Москве, советские советники выполняли во всех странах советской сферы влияния. Они повсюду создавали сеть послушных, зависящих от них доверенных лиц (и агентов), готовых выполнять любые директивы московского центра, если понадобится, то и тайно, за спиной высших руководителей своего государства и против решений его высших органов. Таким образом советские советники способствовали созданию „международных органов безопасности” – важнейшей политической силы, которой руководит московский центр и которая может в рамках советской сферы влияния действовать независимо от политического руководства отдельных социалистических стран.

Армия

В чехословацкую армию советские советники прибыли летом 1950 г. Однако уже с 1946 г. руководящие работники Ми-

нистерства обороны Чехословакии по всем важнейшим вопросам, касающимся строительства и организации армии, советовались с военным атташе советского посольства Сизовым. Уже в то время были переведены многие советские инструкции для использования их при обучении солдат. Тогда же военные делегации из ЧСР трижды ездили в Советский Союз для переговоров об унификации, организации, военной тренировке и вооружении чехословацкой армии. Было также достигнуто соглашение о закупке в СССР некоторых видов тяжелого оружия; некоторые виды оружия стали производить в Чехословакии по советским лицензиям.⁵¹

После февраля 1948 г. в армии произошли существенные перемены. Все руководящие посты заняли коммунисты. Была проведена чистка офицерского состава.⁵² Чем яснее становилась ориентация советского руководства на военный конфликт с Западом, тем менее советское командование доверяло чехословацкому командному составу, указывая на то, что чехословацкие офицеры не хотят усваивать советский военный опыт. Вот как оценивали положение в армии представители советских интересов в чехословацкой армии – Ярослав Прохазка, который отвечал за политработу, а позже стал начальником генерального штаба, и Бедржих Рейцин, начальник военной разведки, а позже замминистра обороны по вопросам кадров:

„... настал момент, когда в нашей армии необходимо последовательно внедрить советскую военную науку, как в строительстве армии, так и в военной тренировке. Весь командный состав должен изучить советскую военную науку и военное искусство. Именно это является самым слабым звеном в нашей армии. Дальнейшее развитие армии требует улучшения положения на этом участке. Между тем установлено, что незнание советской военной науки и советского военного опыта свидетельствует о неспособности его усвоить, а иногда даже об отвращении, вызванном ненавистью ко всему советскому – отвращении, которое в некоторых случаях граничит с саботажем”.⁵³

Советские военные и их чехословацкие представители постоянно подчеркивали необходимость приглашения советских советников и упрекали за то, что „просьба о командировании советских советников постоянно откладывается”.⁵⁴

Министр национальной обороны генерал Людвик Свобода в начале апреля 1950 г. с согласия Готвальда и Сланского обратился в Москву с просьбой о командировании советников. 8 апреля Филиппов передал Готвальду телеграмму, подписанную высшим партийным руководством. Авторы телеграммы подтверждали получение просьбы Свободы, но писали при этом: „Наши военные считают, что генерал Свобода не заслуживает доверия, с ним невозможно делиться военными секретами СССР”.⁵⁵ Советский военный атташе в Праге объяснял руководству министерства обороны отказ командировать в Чехословакию военных советников недостаточной обоснованностью просьбы.⁵⁶ Искушенный в политике Готвальд сразу же понял истинный смысл советского решения как директиву заменить чехословацкого министра обороны. На этом посту, значимость которого возрастала по мере подготовки к военному конфликту с Западом, мог быть только человек, которому политические и военные представители СССР доверяли бы безоговорочно. На место Свободы 25 апреля 1950 г. пришел Алексей Чепичка. Вскоре после вступления на должность министра обороны Чепичка в беседе с советским военным атташе снова поднял вопрос о присылке советских военных советников. На этой встрече было договорено, что „необходимо как можно скорее передать советскому правительству точный список советников” и перечень задач, для решения которых они должны быть посланы в ЧСР.⁵⁷ С мая и до конца 1950 г. прибыла основная группа военных, следующая группа приехала в 1951 г. — это были советники в области производства вооружений. Всего в чехословацкой армии было 264 советских советника.⁵⁸ В армии, как и в органах государственной безопасности, они составляли замкнутое целое. Старшим советником министра национальной обороны был генерал-полковник Гусев, значительную роль играли генералы Жеребин и Павелкин.

Как уже упоминалось, советские советники действовали в чехословацкой армии в период активизированной подготовки к военному столкновению „социализма с империализмом”. Советский генеральный штаб разработал стратегические и тактические планы ожидаемого конфликта, в котором каждой стране, входившей в советскую сферу влияния, отводилось определен-

ное место. Чехословакия должна была в 1950–1953 гг. вдвое увеличить численность армии и в два с половиной раза — ее командный состав, который к тому же еще следовало сделать „надежным с политической и классовой точек зрения”. В связи с этим последним требованием командный состав был обновлен на 75%.

Армию предполагалось реорганизовать по советскому образцу, военное обучение солдат проводилось советскими методами. Советские советники получили широчайшие полномочия для обеспечения выполнения директив своего генерального штаба. Их положение в чехословацкой армии было совершенно независимым, советники считали себя уполномоченными советского генерального штаба и их признавали таковыми чехословацкие руководители. Решения и указания советников принимались без каких-либо возражений и в большинстве случаев с полной готовностью.

Небольшая группа советских советников действовала в системе военного обучения. Они обеспечивали введение советских программ в военных школах, многие советники преподавали там. Самая многочисленная группа — около двухсот советников — была прикреплена к высшему командованию разных родов войск — например, авиации, артиллерии и т. д. и к отдельным воинским частям, не только самым крупным. Задачей этих советников была перестройка военного обучения по советскому образцу. В 1956 г. на партсобраниях в армейских частях этих советников очень резко критиковали. Чаще всего за навязывание чехословацким командирам своей воли и насильственное насаждение советского опыта.⁵⁹

Наибольшим политическим влиянием обладали советники, действовавшие в Министерстве обороны и в Генеральном штабе. Именно через них осуществлялось полное подчинение чехословацкой армии советскому генеральному штабу, который стал подлинным руководящим центром и решал, какова будет численность чехословацкой армии, как она будет организована, где размещать воинские части, каким оружием будет оснащена чехословацкая армия, какими методами следует ее обучать и что будет выпускать военная промышленность Чехословакии. По указаниям советских советников были проведены кадро-

вые перемены в командном составе, в него влилась масса непьющих рабочих и партийных функционеров. Такая обстановка способствовала, разумеется, последовательному внедрению советских методов.⁶⁰ С приходом советских советников прекратилась работа над чехословацкой военной доктриной и, начиная с лета 1950 г., чехословацкая армия стала подчиняться предписаниям из СССР и приняла советский устав.

Ключевой фигурой среди советских советников был старший советник, прикрепленный к министру обороны. Советский генеральный штаб лишь в редких случаях обсуждал с министром вопросы обороны Чехословакии — задачи, которые СССР определял для чехословацкой армии. Почти все конкретные указания Москва передавала через старшего советника. От него же Москва получала регулярные сообщения о состоянии вооруженных сил Чехословакии и комментарии к отчетам министра о выполнении отдельных задач по реорганизации армии. Все эти материалы анализировались в Москве, после чего старший советник получал дальнейшие указания. Положение старшего советника и его коллег укреплялось еще и тем, что все самые серьезные вопросы и большинство текущих проблем Чепичка и прикрепленный к нему советник обсуждали непосредственно с Готвальдом. Партийное руководство и правительство занимались только материальным обеспечением армии. Материалы для Готвальда, для партийного руководства и для правительства подготавливали чехословацкие офицеры вместе с соответствующими советниками под контролем старшего советника. Старший советник или его заместитель участвовали в совещаниях коллегии министра и Военного совета — совещательного органа при министре обороны.

Политическая роль Чепички, его принадлежность к узкому кругу партийного руководства и его не допускающий возражений тон обусловили характер его отношений со старшим и другими советскими советниками. Он принципиально ограничил свои контакты генералом Гусевым и в виде исключения встречался с его заместителем. Только через них он получал предложения и рекомендации остальных советников. В отношениях между советниками также соблюдалась иерархия. Что касается встреч с Готвальдом, то Чепичка, в отличие от министра государ-

ственной безопасности, переговоры с ним вел сам, хотя и в присутствии советского советника. Чепичке удалось воспрепятствовать встречам Гусева с Готвальдом без него. С другой стороны, Чепичка принимал почти все советы и рекомендации своего советника, которые он затем формулировал как свои решения. Расхождения между ними бывали лишь по второстепенным вопросам. В армии, в отличие от органов государственной безопасности, деятельность советских советников не привела к ослаблению авторитета министра обороны, скорее наоборот — укрепила его.

Через несколько месяцев после прибытия советников — (7 сентября 1950 г.) Чепичка вместе с Гусевым предложили Высшему Совету государственной обороны подробный проект ускоренного строительства чехословацкой армии. Присутствовавшие на этом заседании политические руководители (Готвальд, Сланский, Антонин Запотоцкий и Яромир Доланский) утвердили этот план.⁶¹ Широкая программа вооружения армии основывалась на сформулированном советским Генеральным штабом принципе, что для этого должны быть использованы собственные ресурсы Чехословакии, т. е. этот план предусматривал отказ от ввоза из СССР большей части военного снаряжения, как это было прежде, и изготовление оружия по советским лицензиям. Этот принцип лег в основу плана военного производства на 1951–1955 гг., по которому предусматривалось строительство новых военных предприятий и развертывание производства оружия за счет сокращения производства товаров широкого потребления. До войны Чехословакия имела весьма развитую военную промышленность, но она ориентировалась преимущественно на производство легкого оружия для пехоты и артиллерии. Танки, самолеты и электротехника производились лишь в небольших количествах.

С весны 1951 г. в Прагу стали прибывать советники по производству различных видов вооружения. Они должны были обеспечить вооружение чехословацкой армии на основе чехословацких ресурсов. В середине мая 1951 г. они осмотрели военные заводы, нашли множество недостатков и недочетов и высказали сомнение в возможности выполнения плана производства, предусмотренного на 1951–1952 гг. По указаниям

советских советников были разработаны организационные меры, утвержденные впоследствии партийным руководством. Эти данные легли в основу „Отчета о положении в области производства вооружений по советским лицензиям”. Этот отчет рассматривался на военном совете 13 июня 1951 г.,⁶² после чего были приняты меры, существенно изменившие методы управления военной промышленностью. На заводы, где производилось вооружение, были посланы советские эксперты, обладавшие огромными полномочиями по отношению к дирекции предприятия. Кроме того, в Госплане была расширена и „укреплена” кадрами группа военной экономики, сотрудники которой представляли интересы армии. Министерство обороны и советские советники поставили вопрос о перестройке структуры военной промышленности и ее управления по советскому образцу. Своего кульминационного пункта эта перестройка достигла в сентябре 1951 г., когда советские советники при поддержке Чепички настояли на создании Министерства общего машиностроения, которое курировало 80–90% военного производства.⁶³ Это министерство стало своего рода командной вышкой, с которой советские советники и чехословацкие военные управляли военной промышленностью как целостной и совершенно автономной отраслью производства.

Однако военная промышленность, несмотря на принятые меры, не выполняла запланированных заданий. 1951 год завершился полным провалом, а предварительные прогнозы на 1952 г. показывали, что и он будет таким же неуспешным. Госплан, сотрудники которого понимали нереальность запросов военных, рекомендовал партийному руководству и правительству значительно сократить поставки для армии в 1952 г.⁶⁴ Советники эту рекомендацию отвергли. Они отказывались признать нереальность плана, доказывая, что в Чехословакии существуют все необходимые предпосылки для его выполнения. „Саботаж на военных заводах (а такие случаи были) не должен быть решающим фактором при принятии Госпланом решений по вопросам вооружений и военной техники. Акты вредительства необходимо преодолеть указанными товарищем Готвальдом методами, т. е. укреплением дисциплины на всех участках – как на производстве, так и в Госплане. Нет никаких причин сокращать

производственные программы военных заводов и поставки боеприпасов”,⁶⁵ – писал полковник Васильев. Партийное руководство не приняло предложения Госплана, согласившись с точкой зрения советских советников, которые основными причинами невыполнения военной промышленностью плановых заданий считали недооценку руководящими партийными и государственными органами политической важности военной промышленности, несерьезное отношение министров, их заместителей, директоров предприятий к требованиям армии и акты саботажа. Советники настаивали на ежемесячном обсуждении данных о выполнении планов производства вооружений и требовали наказания лиц, ответственных за невыполнение программы вооружения. О том, как выполняется эта программа говорилось на каждом совещании коллегии министра обороны, военного совета и на особых заседаниях отраслевых министерств, созывавшихся отделом военной экономики Госплана. Определенное представление об атмосфере того времени, о постоянно ощущавшемся влиянии советских военных советников можно получить, читая, например, протокол совещания Военного совета, которое состоялось 16 апреля 1952 г.

Гусев: Необходимо через Политический секретариат ЦК КПЧ повлиять на работу отраслевых министерств. Необходимо также помнить, что основные предприятия имеют своих поставщиков... Как это организовано в СССР? У нас основное предприятие дословно выжимает из поставщиков все необходимое, требует от него выполнения поставок... Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы производство изделий, которые необходимы военной промышленности, рассматривалось как одна из обычных производственных отраслей...

Жеребин: В Чехословакии уделяют недостаточное внимание потребностям обороны. В СССР за выполнением военных заказов следят самые высокие лица и непосредственно Министерство госконтроля. Поэтому и в Чехословакии все военные заказы должны быть под пристальным наблюдением Министерства госконтроля и Политического секретариата ЦК КПЧ...

Дворжак (начальник отдела военной экономики Госплана):

До сих пор среди руководящих кадров военной про-

мышленности отсутствует дисциплина... Вторая причина (невыполнения плана) заключается в умышленном, а реже — в неумышленном нарушении указаний советской технической документации. Нынешний этап — это этап борьбы за государственную дисциплину и выполнение плана, на котором проявляются замечательные люди, и их необходимо продвигать, и разоблачают свою сущность дезертиры и изменники...

Четичка: Призывы уже не могут устранить недостатки и ошибки. Сказано было все. Сейчас необходимо действовать и называть вещи своими именами. Должны быть представлены конкретные данные и предложены конкретные меры. Все материалы будут представлены на рассмотрение Политическому секретариату. В связи с этим поручается... немедленно сообщать министру национальной обороны о всех случаях нарушения государственной дисциплины и о всех подозрениях в саботаже”.⁶⁶

Эти принятые под нажимом советских советников меры привели к серьезным политическим последствиям, не дав никакого практического эффекта. Партийное руководство поручило министрам „принять меры против виновников невыполнения планов военного производства в соответствии с законом о защите пятилетнего плана”. Отклонение от советской документации квалифицировалось как „антигосударственный и контрреволюционный акт”.⁶⁷

Несмотря на самые строгие меры план производства вооружений на 1952 г. был выполнен всего на 53%, и в 1953 г. Министерство обороны и советские советники вынуждены были снизить плановые задачи.

В период интенсивной подготовки к военному столкновению с Западом советский генеральный штаб использовал институт советников как универсальную модель, как инструмент подчинения армий стран Восточной Европы. Возможность контролировать армии стран Восточной Европы укрепляла позиции советского военного командования как политической силы, придавала ему способность реализовать цели военных при определении внутривнутриполитических и международных целей

Москвы. Однако с другой стороны, советский контроль снижал военную эффективность стран Восточной Европы и создавал новые очаги политической напряженности. Исключение национальных органов власти из процесса принятия решений о военных делах их же государства превратило эти органы в придаток советского генерального штаба, о целях и планах которого им ничего не сообщалось. Такая ситуация приводила к новым осложнениям, поскольку партийные руководители стран Восточной Европы часто не понимали, зачем нужны такие широкие и дорогостоящие программы строительства армии. Чрезмерные требования армии тяжелейшим бременем ложились на экономику, а методы, посредством которых требования армии удовлетворялись, порождали конфликты с другими производственными отраслями.

Продолжение в следующем номере

Примечания

- 1 Некоторые чехословацкие военные историки не исключают возможность, что советские советники действовали в военной разведке Чехословакии, однако нам еще не удалось доказать этот факт архивными документами или свидетельскими показаниями.
- 2 Подробнее см. *К. Kaplan, Der Kurze Marsch, München 1981, s. 219–224.*
- 3 Архив Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии (далее А ЦК КПЧ), Прага, фонд Политические процессы (Процессы), протокол допроса Ш. Плачека; К. Каплан, Разговоры, рукопись – разговор с Плачком. Мне представляется вероятным, что отъезд офицеров разведки явился результатом перемен в Московском центре советских органов государственной безопасности.
- 4 Там же.
- 5 А ЦК КПЧ, Процессы, дело Сланский, протокол допроса от 12. 1. 1952; Комиссия III, Информация № 23, с. 32–33
- 6 А ЦК КПЧ, фонд 02/2, арх. ед. 21; фонд 100/24, арх. ед. 947; Подробнее К. Каплан, Преступный процесс, репортаж об убийстве генерального секретаря (рукопись).
- 7 А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия II, Корреспонденция Готвальд–Сталин; фонд 100/24, арх. ед. 947.
- 8 Там же, Комиссия II, д. 1, арх. ед. 1; Комиссия III, Информация № 19, с. 24.
- 9 Там же, Барнабитская комиссия, письмо Балажа комиссии от 1963 г.; Комиссия III, Информация № 32, с. 14.
- 10 Там же.
- 11 Там же, Комиссия II, д. 1, арх. ед. 1, Свидетельские показания Р. Бехине, переводчика советских советников.
- 12 Там же, Комиссия II, д. 22, арх. ед. 451. В качестве примера можно привести, что следователь органов госбезопасности др. Мудра сообщил партийным органам, что жена Носека – агентка английской разведки.
- 13 Там же, Комиссия II, д. 49, арх. ед. 884.
- 14 Процесс состоялся с 31. 5 по 8. 6. 1950 г. Было выдвинуто обвинение против 13 политических деятелей, четверых приговорили к смертной казни и казнили. На этом и последующих 35 процессах суд осудил 652 чел., из них 14 приговорили к смертной казни, 52 – к пожизненному заключению, а остальные получили в сумме 7. 940 лет тюрьмы.
- 15 А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия II, арх. ед. 42; Комиссия III, Информация № 38, с. 9.
- 16 К. Каплан, Разговоры, разговор с Архименко.
- 17 Репортер, 1968 г. № 25, Приложение, с. III.
- 18 Там же.
- 19 Копршива: „Официально у них не было никаких полномочий, но на деле они обладали большим авторитетом и влиянием, чем было влияние министра на сотрудников министерства и партийное руководство”, Репортер, 1968 г., № 25, Приложение, с. III.
- 20 Письмо Тауссиговой Генеральной прокуратуре ЧСР, 1963., с. 40, Копия письма хранится у автора.
- 21 Репортер, 1968 г. № 25, Приложение, с. III; А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия II, разговор с Л. Копршивой 28 и 29 января 1963 года.
- 22 А ЦК КПЧ, фонд 02/2, д. 78, арх. ед. 94, заседание 17 апр. 1956 г.
- 23 Репортер. 1968 г. № 25, Приложение, с. III; А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия II, разговор с Л. Копршивой 28 и 29 янв. 1963 г.
- 24 А ЦК КПЧ, фонд 02/2, заседание 16 августа 1954 г.
- 25 См. прим. 23.
- 26 А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия I, арх. ед. 24.
- 27 Письмо Тауссиговой, с. 42.

- 28 А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия II, разговор с Л. Копршивой 28 и 29 янв. 1963 г.; Репортер, 1968 г., № 25, Приложение III; Л. Фрейка и Е. Оутрата были арестованы и осуждены в 1952 г. Фрейка был казнен.
- 29 Там же.
- 30 А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия I, д. 19; арх. ед. 380, Комиссия III, Информация № 19, с. 31–33.
- 31 Там же, Комиссия II, д. 41, арх. ед. 13, 41–43; Комиссия III, Информация № 20, с. 4–5.
- 32 См. примечание 23.
- 33 Наиболее острые противоречия были между начальником следственного отдела Б. Дубеком и начальником одной из групп следователей др. Смолой, и советские советники использовали разногласия между ними в своих целях.
- 34 В 1951 г. советники настояли, чтобы начальником сектора I был назначен их старый сотрудник Андрей Кепперг. В отчете „О деятельности сектора II а” (1963 г.) о Кепперге говорится следующее: „Он не скрывал своих связей с сотрудниками советского посольства и некоторыми советниками. Их двери всегда были открыты перед ним. Крайний радикализм, болезненный антисемитизм Кепперга оказали пагубное влияние на работу первого сектора. Он последовательно проводил в своем отделе линию „Рыба воняет с головы”... Его лозунгом было „снять жидов со всех должностей”, он постоянно говорил о необходимости борьбы против мирового сионистского движения и распространял среди сотрудников „Протоколы сионских мудрецов”... Он собирал любые сведения о партийных и государственных руководителях, хранил их в своем сейфе и докладывал о них А. Прхалу, Л. Копршиве и советским советникам, которые его горячо поддерживали и защищали”. (А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия II, д. 2, арх. ед. 479).
- 35 А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия I, д. 19, арх. ед. 381; Комиссия III, Информация № 19, с. 29–33; К. Каплан, Преступный процесс... Подготовка к аресту проводилась тайно; в 1952–1954 гг. все ведущие работники госбезопасности были осуждены, Шваб и начальник государственной безопасности О. Заводский были казнены.

- 36 См. примечание 23.
- 37 А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия III, Информация № 20, с. 7–8; К. Каплан, Преступный процесс...
- 38 А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия II, Переписка Готвальд–Слин.
- 39 Там же, фонд 02/2, д. 102, арх. ед. 118.
- 40 Там же, фонд Процессы, Комиссия II, Переписка Готвальд–Слин.
- 41 Там же, разговор с Л. Копршивой, 28 и 29 января 1963 г.
- 42 Там же, Комиссия III, Информация № 20, с. 9–11; Комиссия II, арх. ед. 5–25 и 41–63. Самая крупная провокация, способствовавшая аресту Сланского (24 ноября 1951 г.), это фабрикация письма „Бошому подметальщику”, которое через агентов чехословацкой разведки было переправлено в Прагу.
- 43 Из свидетельского показания одного из сотрудников контрразведки. Копия хранится у автора.
- 44 Там же.
- 45 В личном архиве Готвальда, который находится в секретной части архива ЦК КПЧ, но не был систематизирован, есть список донесений органов государственной безопасности на членов партийного руководства. Готвальд, который получал эти донесения, подозревал, что они же находятся под наблюдением (К. Каплан, Разговоры, разговоры с Чиличкой, А. Прхалом, М. Келеровой; А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия I, д. 17, арх. ед. 404).
- 46 А ЦК КПЧ, протокол заседания ЦК КПСС 4–12 июля 1955 г., чешский текст.
- 47 Политический секретариат ЦК КПЧ одобрил приказ министра национальной безопасности от 19 мая 1953 г., в котором содержалось следующее распоряжение: „Сведения о членах ЦК КПЧ и ЦК КП Словакии, о депутатах Национального собрания и членах правительства, о уполномоченных и заместителях министров и уполномоченных, о директорах главных управлений министерств, об офицерах армии и органах

государственной безопасности начальники областных управлений государственной безопасности передают Главному управлению госбезопасности в Праге для принятия соответствующих мер”.

48 Письмо Тауссиговой... с. 41; Репортер, 1968 г., № 25, Приложение, с. III; Доубек в своем показании писал, что „советские советники постоянно указывали на возрастающее влияние евреев на международной арене, они говорили о Рокфеллере, Ротшильде, Дюпонте, увязывали их деятельность с деятельностью Сланского и других евреев в Чехословакии и подчеркивали опасность, что евреи могут овладеть всем и всеми править”.

49 После прибытия советских советников в Чехословакию от руководства органами госбезопасности был устранен Носек, а в январе 1952 г. советники и московский центр настояли на смещении Копршивы и назначении на его место „своего человека” – К. Бацилека. (А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия II, Переписка Готвальд–Сталин; К. Каплан, Разговоры, разговор с А. Чепичкой.)

50 А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия III, Информация № 29, с. 16.

51 Там же, Комиссия I, д. 34, арх. ед. 862.

52 Там же, секретный архив Сланского, выступление Сланского на заседании Информбюро коммунистических партий в ноябре 1949 г.; фонд Процессы, Комиссия III, заключительный отчет комиссии, II вариант, с. 18

53 Там же, фонд 01, заседание 24–26 февраля 1950 г.

54 Там же, фонд Процессы, Комиссия I, д. 34, арх. ед. 862.

55 Там же, Комиссия II, Переписка Готвальд–Сталин, а также „Запрещенный документ”, Вена, 1970, с. 10.

56 А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия I, д. 34, арх. ед. 862.
Генерал Людвик Свобода в 1941–1945 гг. – командующий чехословацким корпусом в СССР, в 1945–1950 гг. министр национальной обороны Чехословакии, с февраля 1948 г. – член компартии Чехословакии.

57 Там же.

58 *Madry J., Vojenská politika KSČ za počátečního nástupu revoluce vojenství a rodící se linie XX. sjezdu KSSS, Praha 1967, s. 71.*

59 Там же, с. 39.

60 А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия III, Информация № 26,

61 Военно-исторический архив, Прага (ВИА), особые фонды, 7 заседание Совета национальной обороны 19 сентября 1950 г.; А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия III, Информация № 26, с. 7.

62 А ЦК КПЧ, фонд ПС, 22–54, д. 37 и 25–75, арх. ед. 40.

63 Свод законов ЧСР.

64 ВИА, фонд замминистра, 1951, 41/4/144 и 1952/54/1/46; А ЦК КПЧ, фонд Процессы, Комиссия III, Информация № 26, с. 9.

65 Там же, с. 10.

66 Там же, с. 10–11; ВИА, фонд СМ–ВК 1952/0012.

67 А ЦК КПЧ, фонд ПС, арх. ед. 98.